

Положение возвращенцев: как Европейский союз и его государства-члены решают проблему возвращения бойцов- иностранцев и их семей

Карлотта Риготти и Жулия Зоминьяни Барбоза*

Карлотта Риготти имеет степень PhD в области права и является научным сотрудником Брюссельского свободного университета. Несмотря на то что основным предметом ее исследований является гендерная проблематика, приняла участие в проекте, который посвящен противодействию и снижению уровня насильственного экстремизма и проводится при финансировании ЕС. Проходила стажировку в юридической компании, специализирующейся на вопросах уголовного права, в Италии и работала в юридической клинике по правам человека и проблемам миграции при колледже Туринского университета.

* Оба автора внесли равный вклад в работу над главами «Введение» и «Заключение», а также над разделом «Проблема репатриации». Автором раздела «Подход ЕС к проблеме возвращенцев: оценка статуса бойцов-иностранцев через призму противодействия терроризму» является Карлотта Риготти, а раздел «Ответные меры государств — членов ЕС по отношению к бойцам-иностранцам и возвращенцам» подготовлен Жулией Зоминьяни Барбозой, за исключением подраздела «Мероприятия по возвращению к мирной жизни».

Жулия Зоминьяни Барбоза является магистром юридических наук в области международного гуманитарного права и прав человека (степень присуждена Женевской академией). После получения магистерской степени работала в ряде некоммерческих организаций в Женеве, Бангкоке и Сиднее, затем переехала в Брюссель, где в настоящее время проводит при Брюссельском свободном университете исследования в рамках своей докторантуры по проблеме нежелательных и при этом не подлежащих высылке мигрантов. Принимает участие в таких исследовательских проектах университета, как «Меры по защите данных, реализуемые Брюссельским центром по вопросам конфиденциальности» в рамках проекта «Гуманитарная деятельность», проводимого совместно с Международным Комитетом Красного Креста.

Аннотация

Возвращение бойцов-иностранцев и членов их семей на территорию Европейского союза расценивается государствами — членами ЕС как угроза их безопасности, в связи с чем эти страны принимают ряд репрессивных мер в целях скорейшего и непосредственного устранения этой предполагаемой угрозы. Помимо силового подхода, применяются также стратегии по реинтеграции, призванные удержать возвращающихся лиц от возобновления террористической деятельности и в долгосрочной перспективе — положить конец разделяющей граждан враждебности. Настоящая статья представляет собой попытку выбрать наиболее предпочтительные методы для решения проблемы возвращенцев из всего многообразия существующих стратегий.

Ключевые слова: бойцы-иностранцы, возвращенцы, противодействие терроризму, международное гуманитарное право, уголовное преследование, реинтеграция, дерадикализация.

⋮ ⋮ ⋮ ⋮ ⋮ ⋮

Введение

Проблема бойцов-иностранцев далеко не нова. История человечества знает немало случаев, когда отдельные лица и целые их группы из самых разных социальных слоев и по самым разным причинам отправлялись на другой край света, чтобы принять участие в чужом военном конфликте. В числе наиболее известных европейцев, выбравших для себя такой путь, были английский поэт лорд Байрон и американский писатель Эрнест Хемингуэй, участвовавшие в Греческой войне за независимость (1821–1832 гг.) и Гражданской войне в Испании (1936–1939 гг.) соответственно. В последние годы некоторые граждане и жители Европы отправляются в Ирак и Сирию, чтобы присоединиться к джихадистским группировкам, например ДАИШ (так называемое «Исламское государство» (ИГ)) и исламистской «Джабхат-ан-Нусра» (обе организации запрещены в России. — Прим. пер.).

Главное отличие сегодняшней ситуации от подобных эпизодов прошлого заключается в том, что приток современных бойцов-иностранцев на Ближний Восток вызывает у правительств западных стран обеспокоенность сразу по нескольким причинам. В частности, государства — члены Европейского союза (ЕС) опасаются угрозы, которую возвращение части таких людей может представлять для их национальной безопасности, поскольку в данном случае речь может идти об опытных и нередко радикально настроенных боевиках, обладающих связями внутри террористических сетей. В рамках противостояния этой угрозе государства Евросоюза выработали разнообразные стратегии, касающиеся условий возможной репатриации бойцов-иностранцев и последствий их (пусть даже добровольного) возвращения. В этих планах действий учитываются не только мужчины-возвращенцы, но и так называемые джихадистские жены и их дети, чья степень участия в конфликте может различаться, а значит — должна различаться и правовая оценка их статуса после возвращения в Европу.

В свете вышеизложенного цель этой статьи состоит в том, чтобы выбрать адресный подход к урегулированию проблемы возвращения боевиков и членов их семей с учетом не только обеспокоенности государств — членов ЕС по поводу национальной безопасности, но и необходимости реинтеграции тех людей, которые отправились в зоны военных конфликтов (или даже родились там), исходя из принадлежности, опыта и потребностей каждого из них. Для выявления оптимальных методов с точки зрения безопасности и защиты прав человека мы проанализируем, как эту проблему характеризуют и воспринимают ЕС и его члены и какого подхода к ее критической оценке они придерживаются. В статье не рассматриваются различные юридические определения и правовая квалификация понятия бойцов-иностранцев, предлагаемые юридическим экспертным сообществом в области борьбы с терроризмом и международного гуманитарного права, равно как и не предпринимается попытка обсудить расплывчатое понятие терроризма. Все эти вопросы освещаются в других статьях этого выпуска. В начале статьи предлагается обзор нормативно-правовой базы ЕС в той части, которая регламентирует деятельность бойцов-иностранцев. Затем мы перейдем к анализу того, каким образом государства — члены ЕС регулируют процесс возвращения таких бойцов и членов их семей на свою территорию; в частности, национальные ответные меры рассматриваются в контексте репатриации, уголовного преследования и реинтеграции этих лиц. Затем авторы статьи обсудят мероприятия по возвращению к мирной жизни и правосудие переходного периода в качестве альтернативы и/или дополнения к политике государств-членов по минимизации предполагаемой угрозы безопасности со стороны возвращенцев. В этой связи особое внимание будет уделено наилучшему обеспечению интересов детей. В заключительном разделе статьи будут представлены выводы по данной проблеме.

Подход ЕС к проблеме возвращенцев: оценка статуса бойцов-иностранцев через призму противодействия терроризму

Еще в 2013 году координатор ЕС по борьбе с терроризмом впервые заговорил о том, что беспрецедентные по своей численности потоки бойцов-иностранцев, отправляющихся с территории ЕС в Сирию и другие горячие точки, представляют собой угрозу для безопасности¹. Учитывая, что ДАИШ считалась «исламистской экстремистской организацией, занимающейся экспортом терроризма»², возвращенцев рассматривали как угрозу для внутренней безопасности ЕС, поскольку они зачастую придерживались радикальных взглядов (или, как минимум, успели подвергнуться воздействию экстремистских идей и мировоззрений) и получили навыки ведения боя, а также после возвращения приобрели связи внутри международной джихадистской сети³. Вскоре предполагаемая угроза стала реальностью, когда такие возвращенцы (все они были мужчинами) совершили ряд террористических актов, включая нападение на редакцию журнала «Шарли Эбдо» и расстрел зрителей в театре «Батаклан» во Франции в 2015 году⁴; эти теракты привели к появлению целого комплекса стратегий ЕС по обеспечению безопасности европейских граждан, предупреждению радикализации и содействию сотрудничеству с третьими странами в целях сдерживания терроризма⁵. Несмотря на то что виновными в совершении всех этих террористических актов были взрослые мужчины из числа бойцов-иностранцев, тезис о том, что возвращенцы представляют собой угрозу, нередко распространялся и на членов их семей, включая детей. Так, в 2018 году Европейский парламент отметил, что:

...общепризнано, что дети, которых вербуют в такие группировки, как «Исламское государство» в Ираке и Сирии, могут совершать противозаконные действия, включая тяжкие насильственные преступления. Об этом свидетельствуют давно известные факты использования детей вооруженными группировками, а также информация о том, что

1 EU Counterterrorism Coordinator, in close consultation with the services of the European Commission and the EEAS, *Foreign Fighters and Returnees from a Counter-Terrorism Perspective, in Particular with Regard to Syria: Stocktaking*, док. EC 16768/13, 2013.

2 European Council, *Special Meeting of the European Council: Conclusions*, EUCO 163/14, 30 August 2014, p. 6.

3 Gilles de Kerchove and Christiane Höhn, "The Regional Answers and Governance Structure for Dealing with Foreign Fighters: The Case of the EU", in Andrea De Guttry, Francesca Capone and Christophe Paulussen (eds), *Foreign Fighters under International Law and Beyond*, Springer, Berlin, 2016, p. 304.

4 Wim Wensink et al., *The European Union's Policies on Counter-Terrorism: Relevance, Coherence and Effectiveness*, European Parliament, Directorate-General for Internal Policies, 2017, p. 35, доступно по адресу: [www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2017/583124/IPOL_STU\(2017\)583124_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2017/583124/IPOL_STU(2017)583124_EN.pdf) (все ссылки на интернет-ресурсы приводятся по состоянию на июль 2021 г.).

5 European Council, "Informal Meeting of the Heads of State or Government Brussels, 12 February 2015 — Statement by the Members of the European Council", 12 February 2015, доступно по адресу: www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2015/02/12/european-council-statement-fight-against-terrorism/.

ИГ вербует мальчиков для участия в боевых действиях начиная с девятилетнего возраста, и появление видеозаписей авторства ИГ, из которых следует, что детей привлекают к совершению насильственных действий. В результате через призму борьбы с терроризмом теперь смотрят не только на взрослых возвращенцев, но и на детей, а несовершеннолетних включают в категорию «бойцы-иностранцы [террористы]» уже начиная с 9 (Нидерланды) или с 12 лет (Бельгия)⁶.

Несмотря на признание того факта, что сами дети также являются жертвами террористических группировок, и невзирая на призывы рассматривать каждый отдельный случай в рамках индивидуального подхода (поскольку опыт у разных детей различается), проблема безопасности по-прежнему сохраняет остроту⁷.

С учетом вышеизложенного и в стремлении обеспечить безопасность граждан ЕС законодательные органы Евросоюза сначала разработали программу, предусматривающую проведение усиленных проверок на внешних границах Европейского союза и расширенный обмен информацией между государствами — членами ЕС. Сюда же относится и приведение в исполнение двух законодательных актов ЕС — Директивы 2016/681/ЕС об использовании данных системы бронирования для предотвращения, выявления, расследования и уголовного преследования преступлений террористической направленности и тяжких преступлений и Регламента 2017/458/ЕС Европейского парламента и Совета от 15 марта 2017 года, вносящего поправки в Регламент 2016/399/ЕС в части ужесточения контроля на внешних границах путем сверки с соответствующими базами данных.

Более того, действуя в том же русле поддержки репрессивных мер и силовых подходов в качестве непосредственного стратегического решения проблемы бойцов-иностранцев и возвращенцев, Европейская комиссия приняла Директиву 2017/541 о борьбе с терроризмом (Директива ЕС по противодействию терроризму), в которой поездка (или попытка поездки) в другую страну для целей терроризма признается уголовным преступлением (статья 9). В более широком смысле, согласно положениям этого правового документа, к числу преступлений относятся такие деяния, как посягательство на физическую неприкосновенность какого-либо лица (статья 3(1)(b)) или, например, изготовление, владение, приобретение, транспортировка, поставка или использование взрывчатых веществ или оружия, а также проведение мероприятий по исследованию и разработке

6 Amandine Scherrer (ed.), *The Return of Foreign Fighters to EU Soil: Ex-Post Evaluation*, European Parliament Research Service, May 2018, p. 58, доступно по адресу: [www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2018/621811/EPRS_STU\(2018\)621811_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2018/621811/EPRS_STU(2018)621811_EN.pdf).

7 Так, например, в заключительной части доклада Национального координатора Нидерландов по вопросам безопасности и борьбы с терроризмом (Nationaal Coördinator Terrorismedebijding en Veiligheid, NCTV) и Службы безопасности и разведки (Algemene Inlichtingen- en Veiligheidsdienst, AIVD) говорится: «Не следует забывать о том, что несовершеннолетние лица являются прежде всего жертвами ИГИЛ (организация запрещена в России. — Прим. пер.), но при этом необходимо также учитывать потенциальные риски для общества». NCTV and AIVD, *The Children of ISIS: The Indoctrination of Minors in ISIS-Held Territory*, The Hague, 2017, p. 18.

химического, биологического, радиологического или ядерного оружия (статья 3(1)(f)), открытое подстрекательство к совершению террористического преступления (статья 5), проведение и прохождение обучения терроризму (статьи 7–8) и финансирование терроризма (статья 11). Помимо этого, согласно статье 13 Директивы, для того чтобы эти деяния были признаны наказуемыми, «не требуется, чтобы террористическое преступление было фактически совершено», что является наглядным свидетельством превентивного характера мер ЕС по борьбе с терроризмом; иными словами, законодательные органы ЕС намерены предусмотреть уголовную ответственность за любые деяния, связанные с терроризмом, до причинения какого бы то ни было ощутимого и прямого ущерба. Однако, несмотря на то что установление уголовного наказания в превентивных целях является далеко не новой мерой для разных стран ЕС, подобная практика была встречена критикой со стороны научного сообщества, обеспокоенного подобными изменениями в данной отрасли права и возможными нарушениями прав человека и надлежащей правовой процедуры⁸; схожие опасения выражаются и в тексте настоящей статьи в связи с уголовным преследованием бойцов-иностранцев.

Учитывая, что не все возвращенцы (как бойцы-иностранцы, так и члены их семей) представляют угрозу для безопасности, и признавая тот факт, что коренными причинами радикализации террористов являются самые разные обстоятельства — от социально-экономических условий до религиозных и политических идеологий, включая процессы определения личной и культурной принадлежности⁹, законодательные органы ЕС включили в свои нормативно-правовые документы по противодействию терроризму превентивные меры¹⁰, не относящиеся к области уголовного права. В этой связи ЕС начал поддерживать принципы благого управления, демократии, образования и экономического процветания во всех странах Европейского союза, занялся решением проблемы подстрекательства и вербовки в ключевых сферах (таких как места лишения свободы и места отправления культа), разработал систему межкультурных диалогов и эмоционально-нейтральный корпус лексики для обсуждения данного вопроса и предложил обновленную коммуникационную стратегию для более эффективного объяснения сути действующей политики. Более того, ЕС предпринял попытку содействовать обмену знаниями и опытом и их распространению, создав Экспертную группу по радикализации при Комиссии высокого уровня, несколько механизмов ЕС по сотрудничеству (включая Руководящий совет по мерам ЕС в отношении радикализации)

8 См., например: Andrew Ashworth, Lucia Zedner and Patrick Tomlin, *Prevention and the Limits of Criminal Law*, Oxford University Press, Oxford, 2013.

9 Edwin Bakker, “EU Counter-Radicalisation Policies: A Comprehensive and Consistent Approach?», *Intelligence and National Security*, Vol. 20, No. 2, 2015, pp. 298–302.

10 См., например: European Commission, “Communication from the Commission to the European Parliament, the Council and the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions Supporting the Prevention of Radicalisation Leading to Violent Extremism”, COM(2016)379 final, 2016.

и бесчисленное множество сетей по сотрудничеству и обмену (например, информационную сеть по вопросам радикализации (RAN)). Наконец, ЕС выделил финансирование для проектов и инициатив, направленных на осмысление и сдерживание радикализации за счет выявления ключевых факторов влияния, экстремистских идеологий и механизмов вербовки, а также путем систематизации передового опыта и составления практических инструкций.

В конечном счете, Европейский союз заявил о необходимости «более активно взаимодействовать с третьими странами по вопросам безопасности и противодействия терроризму, причем в первую очередь речь идет о государствах Ближнего Востока, Северной Африки и Сахеля, а также о странах Западных Балкан»¹¹. Помимо вышеупомянутых подходов к обеспечению внутренней безопасности, в стратегии сотрудничества ЕС делается особый упор на такие аспекты, как правоохрнительная деятельность и введение уголовной ответственности, предотвращение радикализации и разработка систем по обмену информацией и обеспечению пограничной безопасности¹².

Иными словами, ЕС объединил проблему возвращения бойцов-иностранцев и их семей и угрозу безопасности, которую они предположительно представляют, сведя их к общему знаменателю и выработав целый комплекс различных мер по борьбе с терроризмом. Как будет показано ниже, такой подход ЕС создает риск того, что субъектность подобных лиц в рамках международного гуманитарного права (МГП) будет отодвинута на задний план и, как следствие, начнется несправедливое уголовное преследование людей за действия, которые носили законный характер в военное время в соответствии с нормами МГП, или за один только факт связи с боевиками. Учитывая, что в соответствии со статьей 4 Договора о функционировании Европейского союза ЕС располагает совместной с государствами-членами компетенцией по вопросам борьбы с терроризмом, в следующем разделе настоящей статьи речь пойдет о том, какие меры были приняты государствами — членами Евросоюза в связи с репатриацией и добровольным возвращением на свою территорию бойцов-иностранцев и членов их семей. Различие подходов обусловлено правовым пробелом в Директиве ЕС по противодействию терроризму, которая обязывает государства-члены вводить уголовную ответственность за любую связанную с терроризмом деятельность и, в частности, за сам факт принадлежности к бойцам-иностранцам, однако не предлагает никаких единых практических мер, к которым следует прибегнуть в связи с возвращением таких бойцов и их возможным уголовным преследованием. Эта свобода действий, предоставленная государствам-членам, может объясняться еще и тем, что, согласно действующей парадигме, борьба с терроризмом касается безопасности граждан, которая с момента появления современного государ-

11 European Council (примечание 5 выше).

12 G. de Kerchove and C. Nöhn (примечание 3 выше), pp. 325–326.

ства всегда считалась неотъемлемым аспектом национальных интересов¹³. В этой связи передача таких полномочий институтам ЕС остается достаточно сложной процедурой, к которой, как свидетельствует обусловленная кризисом политика ЕС по противодействию терроризму, прибегают как можно реже¹⁴.

Ответные меры государств — членов ЕС по отношению к бойцам-иностранцам и возвращенцам

Несмотря на отсутствие достаточных объемов точных данных о бойцах-иностранцах в Европе, из исследования, проведенного Европейским парламентом, следует, что большинство возвращенцев прибыли обратно в ЕС из Сирии и Ирака, и этот процесс состоял из двух волн: первая наблюдалась в 2013–2014 годах, перед тем, как в июне 2014 года ДАИШ самопровозгласила себя халифатом, а вторая — в начале 2015 года. Начиная с 2016 года, невзирая на крушение халифата, число бойцов-иностранцев, возвращающихся в ЕС в добровольном порядке, значительно снизилось, и основные вопросы касаются их возможной репатриации¹⁵. Четких объяснений такого снижения в тематической литературе не предлагается. Так, например, Амандин Шеррер и другие (см. примечание 6) предполагают, что «согласно имеющимся заключениям, множество уехавших из Европы лиц погибли в Ираке и Сирии... и еще значительная часть, как считается, были арестованы и, возможно, перевезены в соседние страны»¹⁶.

В любом случае бойцов-иностранцев и возвращенцев никоим образом нельзя охарактеризовать как однородную группу, и их статус может очень различаться в зависимости от пола, возраста, происхождения, опыта участия в боевых действиях и мотивации¹⁷, что, в свою очередь, влечет за собой немало разнообразных сложностей для разработчиков политики. На первый взгляд, возвращенцы — будь то бойцы-иностранцы или члены их семей — рассматриваются в качестве угрозы безопасности, поскольку с высокой долей вероятности они уже знакомы с экстремистскими идеологиями, придерживаются радикальных идей и взглядов, прошли подготовку по ведению террористической деятельности и/или имеют опыт участия в военном конфликте. Таким образом, вполне возможно, что они вернулись на родину для того, чтобы самим совершать теракты и поддерживать материально-техническое и финансовое снабжение и вербовку новых

13 Jörg Monar, "EU Internal Security Governance: The Case of Counter-Terrorism", *European Security*, Vol. 23, No. 2, 2014, p. 195.

14 См. в числе прочего: Christian Kaunert and Sarah Léonard, "The Collective Securitisation of Terrorism in the European Union", *Western European Politics*, Vol. 42, No. 2, 2019; Javier Argomaniz, "Post-9/11 Institutionalisation of European Union Counter-Terrorism: Emergence, Acceleration and Inertia", *European Security*, Vol. 18, No. 2, 2009.

15 A. Scherrer (ed.) (примечание 6 выше), p. 31.

16 Ibid.

17 Ibid., pp. 33–38.

сторонников уже у себя дома¹⁸. Что касается детей, то, хотя никто не ставит под сомнение тот факт, что они сами стали жертвами насилия со стороны террористических групп, некоторые государства, например Нидерланды, также считают, что эти дети могли получить боевую подготовку и навыки владения оружием уже в юном возрасте¹⁹ и могут быть склонны к радикализации и легко поддаваться влиянию вербовщиков по причине негативного опыта пребывания в сирийских лагерях²⁰. В то же время следует учитывать, что мотивацией для их возвращения могло стать разочарование в ДАИШ или других вооруженных группах, к которым они присоединились, а также физические и психологические травмы, связанные с участием в военных действиях, а значит, многим из них также понадобится помощь для реинтеграции в общество, возврата к нормальной жизни и преодоления возможных психических расстройств (например, посттравматического стрессового расстройства)²¹. Например, когда речь идет об реинтеграции детей, которые стали объектами вербовки и эксплуатации со стороны групп, придерживающихся насильственного экстремизма, то говорится о необходимости многостороннего процесса, включающего в себя меры по восстановлению физического и социально-психологического здоровья и поддержке, по предоставлению возможности получить образование и профессионально-техническую подготовку и по возвращению к семьям и полноценной общественной жизни²². Точно так же члены семей, не принимавшие участия в боевых действиях, но ставшие свидетелями насилия, жертвами которого они сами, возможно, являются, также могут нуждаться в профильной помощи со стороны представителей разных секторов в целях реинтеграции. В результате государства — члены ЕС сделали выбор в пользу междисциплинарного и кросс-секторального подхода, который включает в себя как репрессивные, так и реабилитационные и социально-превентивные стратегии при участии правоохранительных органов и организаций гражданского общества. В то же время наибольшее внимание всегда уделяется репрессивным мерам, поскольку, согласно существующим убеждениям, именно они являются источником краткосрочных и незамедлительных стратегических решений для изучаемой проблемы.

Исходя из всего вышесказанного, в следующих подразделах будут рассмотрены политические тенденции в области регулирования процесса репатриации бойцов-иностранцев и членов их семей, а именно их уголовное преследование и реинтеграция в странах ЕС. Перед тем как перейти к непосредственному анализу правовых мер, принимаемых в связи с возвращением бойцов, мы критически оценим степень готовности государств-членов

18 Alastair Reed and Johanna Pohl, “Disentangling the EU Foreign Fighter Threat: The Case for a Comprehensive Approach”, *RUSI Newsbrief*, Vol. 37, No. 1, 2017, pp. 1–2.

19 AIVD, *Focus on Returnees*, The Hague, 2017.

20 NCTV, *Terrorist Threat Assessment for the Netherlands 53: October 2020*, The Hague, 2020.

21 A. Reed and J. Pohl (примечание 18 выше), p. 3.

22 United Nations (UN) Office on Drugs and Crime, *Handbook on Children Recruited and Exploited by Terrorist and Violent Extremist Groups: The Role of the Justice System*, Vienna, 2017, p. 106.

принять факт репатриации бойцов-иностранцев и их стремление, напротив, воспрепятствовать такому возвращению.

Проблема репатриации

В ответ на меры по противодействию терроризму, принимаемые на международном и региональном уровнях (в качестве примера можно привести резолюцию Совета Безопасности ООН 2178 (2014) и Дополнительный протокол 2015 года к Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма), государства — члены ЕС задействовали превентивную стратегию, призванную воспрепятствовать перемещениям бойцов-иностранцев. В то же время сообщения о волнах возвращенцев и очевидном крушении халифата ДАИШ заставляют нас сосредоточить внимание главным образом на том, как государства-члены реагируют на возвращение бойцов-иностранцев и членов их семей: кто-то полностью отвергает такой вариант развития событий, кто-то вводит ограничительные меры, а часть государств, напротив, создают для них благоприятные условия. В соответствии с классификацией, предлагаемой Таней Мехра и Кристофом Паулюссеном²³, мы выявили следующие четыре политические модели: преследование бойцов-иностранцев в Сирии и Ираке на местном уровне; учреждение международного или гибридного трибунала для ведения уголовных разбирательств в отношении этих лиц; воспрепятствование возвращению бойцов-иностранцев в Европу; репатриация бойцов-иностранцев и их привлечение к уголовной ответственности на территории ЕС. Ниже мы приводим обзор каждого из этих подходов.

Преследование бойцов-иностранцев на местах

Учитывая высокую вероятность того, что бойцы-иностранцы совершают инкриминируемые им преступления в зонах конфликтов, в которые они приезжают из других стран, наиболее очевидным решением представляется проведение расследования и привлечение виновных к уголовной ответственности национальными судами тех стран, на территории которых происходит этот конфликт, при условии обеспечения принципов верховенства права и соблюдения прав человека во время проведения уголовного разбирательства. В этой связи некоторые государства — члены ЕС, например Франция²⁴, обратились к национальным органам власти этих стран с просьбой возбудить уголовные дела в отношении бойцов-иностранцев в национальных судах и на местном уровне привлечь их к уголовной ответственности за преступления, совершенные во время военных действий. В то же

23 Tanya Mehra and Christophe Paulussen, “The Repatriation of Foreign Fighters and Their Families: Options, Obligations, Morality and Long-Term Thinking”, International Centre for Counter-Terrorism (ICCT), 2019, доступно по адресу: <https://icct.nl/publication/the-repatriation-of-foreign-fighters-and-their-families-options-obligations-morality-and-long-term-thinking/>.

24 Matteo Pugliese, “France and Foreign Fighters: The Controversial Outsourcing of Prosecution”, Italian Institute for International Political Studies, 2020, доступно по адресу: www.ispionline.it/it/publicazione/franceand-foreign-fighters-controversial-outsourcing-prosecution-24666.

время, согласно результатам исследований, подобный подход сопряжен с целым рядом проблем, среди которых нередкая непрозрачность судебных разбирательств, наказание в виде смертной казни, широкое применение пыток, ограниченный доступ (или его полное отсутствие) к услугам адвоката для защиты в суде и вынесение приговоров при отсутствии надлежащих доказательств, а также разрушение полноценной судебной системы как в Сирии, так и в Ираке²⁵. Таким образом, поскольку крайне маловероятно, что в подобных обстоятельствах бойцы-иностранцы и члены их семей могут рассчитывать на справедливое судебное разбирательство в соответствии с основополагающим правом на должную правовую процедуру, уголовное преследование на местах в этих странах является нежелательным.

Ведение уголовных разбирательств в отношении бойцов-иностранцев в международных или гибридных трибуналах

В рамках второго подхода предлагается проводить уголовные разбирательства в отношении бойцов-иностранцев в международных или гибридных трибуналах, учрежденных на основании главы VII Устава ООН²⁶. Несколько государств — членов ЕС, включая Швецию и Нидерланды, выступили в поддержку такого варианта, поскольку он позволил бы избежать тех трудностей, с которыми сопряжены разбирательства по делам бойцов-иностранцев на местах в Сирии и Ираке (см. выше), и решил бы проблему угрозы безопасности, которой в настоящее время подвергаются страны происхождения и транзита таких лиц. Кроме того, таким образом можно было бы решить задачу по привлечению бойцов-иностранцев к уголовной ответственности за предполагаемые массовые зверства в соответствии с нормами МПП²⁷. В то же время все соглашаются с тем, что учреждение такого суда повлечет за собой немало политических и юридических сложностей, а также потребует значительных временных затрат, ресурсов и сотрудничества²⁸. В частности, для учреждения международного или гибридного суда потребуются принятие резолюции Совета Безопасности ООН, на которую не будет наложено вето кого-либо из постоянных членов Совета: Соединенных Штатов

25 Tanya Mehra, "Bringing (Foreign) Terrorist Fighters to Justice in a Post-ISIS Landscape. Part I: Prosecution by Iraqi and Syrian Courts", ICCT, 2017, доступно по адресу: <https://icct.nl/publication/bringing-foreign-terrorist-fighters-to-justice-in-a-post-isis-landscape-part-i-prosecution-by-iraqi-and-syrian-courts/>; Anthony Dworkin, *Beyond Good and Evil: Why Europe Should Bring ISIS Foreign Fighters Home*, European Council on Foreign Relations Policy Brief, 2019, доступно по адресу: www.ecfr.eu/publications/summary/beyond_good_and_evil_why_europe_should_bring_isis_foreign_fighters_home.

26 Если вкратце, то глава VII Устава ООН определяет те рамки, на основании которых Совет Безопасности может определять существование любой угрозы миру, любого нарушения мира или акта агрессии и, соответственно, принимать военные и невоенные меры (например учреждать международный трибунал) в целях восстановления мира и безопасности. Подробнее см.: *Совет Безопасности ООН. Действия в отношении угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии*, доступно по адресу: <https://www.un.org/securitycouncil/ru/content/repertoire/actions>.

27 Anthony Dworkin, "A Tribunal for ISIS Fighters?", European Council on Foreign Relations, 31 May 2019, доступно по адресу: www.ecfr.eu/article/commentary_a_tribunal_for_isis_fighters.

28 T. Mehra and C. Paulussen (примечание 23 выше), p. 2.

Америки, Соединенного Королевства, Франции, Китая и России; однако, как известно, правительства двух последних государств являются серьезными союзниками режима Асада, который в настоящее время находится у власти в Сирии, и потому, скорее всего, отклонят подобное предложение²⁹. На сегодняшний день единственными имеющимися документами по этому вопросу являются резолюция 2379 (2017) Совета Безопасности ООН, в которой он просит учредить следственную группу для сбора и сохранения доказательств международных преступлений, совершенных ИГИЛ (ДАИШ), в целях их использования в национальных судах³⁰, и резолюция 71/248 (2016) Генеральной Ассамблеи ООН об учреждении международного беспристрастного и независимого механизма для содействия проведению расследований в отношении лиц, которые несут ответственность за наиболее серьезные преступления по международному праву, совершенные в Сирийской Арабской Республике с марта 2011 года, и их уголовному преследованию.

Воспрепятствование возвращению бойцов-иностранцев

В качестве третьей альтернативы некоторые государства-члены, в частности Австрия, Нидерланды и Бельгия, а также Соединенное Королевство³¹,

29 Это уже произошло, когда Совет Безопасности предпринял попытку передать дело Сирии в Международный уголовный суд, который обладает полномочиями для проведения судебного разбирательства в отношении физических лиц в связи с совершением международных преступлений, включая военные преступления и преступления против человечности. Для более подробного изучения проблемы российского и китайского вето см.: Ian Black, "Russia and China Veto UN Move to Refer Syria to International Criminal Court", *The Guardian*, 22 May 2014, доступно по адресу: www.theguardian.com/world/2014/may/22/russia-china-veto-undraft-resolution-refer-syria-international-criminal-court.

30 *Совет Безопасности ООН*. Резолюция 2379 (2017), док. ООН S/RES/2379 (2017), 21 сентября 2017 г.

31 В разделе 33 закона Австрии «О гражданстве» (1985 г.) предусматривается возможность лишения гражданства в случаях, когда лицо добровольно вступило в ряды вооруженной группы для принятия участия в военных действиях, при условии, что в результате лишения гражданства данное лицо не станет апатридом, тогда как в ст. 14(4) закона Нидерландов «О гражданстве» (1985 г.) министру юстиции предоставляются дискреционные полномочия лишать гражданства граждан Нидерландов в возрасте старше 16 лет, если они находятся за рубежом и, исходя из их действий, очевидным образом являются частью организации, принимающей участие в национальном или международном вооруженном конфликте. В ст. 23(2) Свода законов Бельгии о гражданстве (1984 г.) предусматривается возможность лишения гражданства при условии, что гражданин Бельгии был осужден за любые виды преступной террористической деятельности и приговорен более чем к пяти годам лишения свободы. В то же время нельзя требовать лишения гражданства Бельгии в тех случаях, когда человек получил бельгийское гражданство от одного из родителей или по праву рождения, то есть на основании двойного принципа *ius soli* («принцип почвы»).

Несмотря на то что Соединенное Королевство больше не является государством — членом ЕС, в разделе 40 закона «О британском гражданстве» (1981 г.) говорится о том, что министр внутренних дел страны обладает полномочиями лишать человека британского гражданства в тех случаях, когда это отвечает задачам обеспечения общественного блага, даже если это приведет к безгражданству натурализованных граждан, которые совершили действия, наносящие серьезный ущерб жизненно важным интересам Соединенного Королевства. Более того, следует отметить, что, согласно британскому обычному праву, лишение гражданства не противоречит запрету на безгражданство, содержащемуся в ст. 8 Конвенции ООН о сокращении безгражданства, если есть основания полагать, что данное лицо может получить гражданство другой страны. См.: Maarten P. Bolhuis and Joris van Wijk, "Citizenship Deprivation as a Counterterrorism

разработали меры по противодействию терроризму, призванные воспрепятствовать возвращению бойцов-иностранцев из зон конфликтов. Так, в качестве основных политических инструментов воздействия использовались такие меры, как лишение гражданства и отказ гражданам своих стран в предоставлении необходимых для проезда документов. Обоснованием этой политики является ее карательный характер: бойцы-иностранцы могут рассматриваться в качестве врагов государства, поскольку действуют вразрез с его жизненно важными интересами и подозреваются в совершении террористических актов и других зверств³². Одновременно с этим лишение гражданства также является превентивной мерой, которая может помочь в урегулировании вышеперечисленных проблем безопасности. Несмотря на то что в законах разных стран о гражданстве предусмотрены правила утраты и лишения гражданства³³, указанная мера может повлечь за собой определенные последствия в рамках международного права. В главе 8 Конвенции ООН 1961 года о сокращении безгражданства сказано, что никакое договаривающееся государство не должно лишать никакое лицо своего гражданства, если такое лишение сделало бы это лицо апатридом, однако глава 15 Всеобщей декларации прав человека гласит, что никто не может быть произвольно лишен своего гражданства. Как говорится в докладе Генерального секретаря ООН «О правах человека и произвольном лишении гражданства», лишение гражданства не является несоразмерным, если оно закреплено законом, осуществляется с соблюдением надлежащих процессуальных гарантий, преследует законную цель и является одновременно соразмерным и необходимым для достижения этой цели³⁴. В настоящее время лишение гражданства регулируется нормами национального права каждой отдельной страны. В то же время всякий раз, когда государства-члены принимают или пересматривают национальные законы в целях внесения общих положений, оправдывающих прекращение гражданства и наделяющих ответственных лиц значительной широтой полномочий для принятия решений относительно лишения человека гражданства³⁵, это может становиться источником определенных проблем. К тому же, поскольку государства лишают бойцов-иностранцев гражданства в тот

Measure in Europe: Possible Follow-Up Scenarios, Human Rights Infringements and the Effect on Counterterrorism», *European Journal of Migration and Law*, Vol. 22, No. 3, 2020, pp. 347–349. В той же статье также приводятся интересные данные относительно числа случаев лишения гражданства за террористическую деятельность в Бельгии, Франции, Нидерландах и Соединенном Королевстве (р. 351).

32 Laura Van Waas, "Foreign Fighters and the Deprivation of Nationality: National Practices and International Law Implications", in A. De Guttery, F. Capone and C. Paulussen (eds) (примечание 3 выше), р. 475.

33 См., например: Article 3 of Legge 5 Febbraio 1992 No. 91 (закон Италии «О гражданстве»), включая лишение гражданства людей, вступивших в ряды иностранной армии или состоящих на службе иностранного или враждебного государства.

34 Совет по правам человека. Права человека и произвольное лишение гражданства: доклад Генерального секретаря, док. ООН А/НRC/25/28, 19 декабря 2013 г. Схожая правовая аргументация может применяться в отношении любых случаев, когда лишение гражданства расценивается как нарушение права на свободу передвижения.

35 L. Van Waas (примечание 32 выше), р. 477.

период, когда они находятся за рубежом, такая практика представляет собой нарушение надлежащей процедуры³⁶. Что касается легитимности подобной меры, то, на первый взгляд, защита национальной безопасности от террористической угрозы со стороны возвращенцев может расцениваться как легитимная цель. Тем не менее подобная практика также приводит к тому, что государство перекладывает собственную ответственность на международное сообщество и правительства других стран, поскольку его граждане будут представлять угрозу для безопасности везде, где бы они ни находились; так, Елена Покалова доказывает, что бойцы-иностранцы могут оставаться в зонах конфликтов после их завершения, пользуясь образовавшейся нестабильностью для расширения своих сетей, а также объясняет, как они могут мигрировать от одного конфликта к другому или совершать террористические акты в странах транзита³⁷. Более того, существуют сомнения и по поводу того, действительно ли лишение гражданства является наименее инвазивным методом достижения поставленной цели и, соответственно, можно ли расценивать его как необходимую и соразмерную меру. По сути, в свете других распространенных практик вроде запрета на поездки и аннулирования паспортов³⁸ говорить о соблюдении требования о необходимости не приходится.

Наконец, при оценке того, насколько соразмерной является мера по лишению бойцов-иностранцев их гражданства, возникает ряд вопросов, касающихся соблюдения прав человека, поскольку эти лица подвергаются риску так называемой гражданской смерти, то есть утраты возможности осуществлять свои основные гражданские и социально-экономические права³⁹. Помимо сложностей, возникающих в связи с необходимостью учитывать как права бойцов-иностранцев, так и задачи национальной безопасности, Лаура Ван Вас обращает внимание и на риск дискриминации, который является неотъемлемым аспектом этой меры по борьбе с терроризмом: натурализованные граждане в большей степени рискуют лишиться гражданства, и особенно стать апатридами, чем лица, которые получили гражданство при рождении⁴⁰. В то же время Зандра Креенман обращает внимание на то, что попытки воспрепятствовать возвращению бойцов-иностранцев идут вразрез с буквой и духом резолюции 2178 (2014) Совета Безопасности ООН⁴¹. Во-первых, в этом правовом документе особо отме-

36 L. Van Waas (примечание 32 выше), p. 477.

37 Elena Pokalova, *Returning Islamist Foreign Fighters: Threats and Challenges to the West*, Palgrave MacMillan, London, 2020, pp. 59–77.

38 Ibid., pp. 111–114.

39 Данный правозащитный аспект особенно четко отражен в правоприменительной практике Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ). По недавним делам см.: ECtHR, *El Aroud v. Belgium*, Appl. No. 25491/18, 5 November 2018; ECtHR, *Soughir v. Belgium*, Appl. No. 27629/18, 5 November 2018; ECtHR, *Ghoumid and Others v. France*, Appl. Nos 52273/16, 52285/16, 52290/16, 52294/16, 52302/16, 23 May 2017; ECtHR, *Adam Johansen v. Denmark*, Appl. No. 27801/19, 11 November 2019.

40 L. Van Waas (примечание 32 выше), pp. 482–483.

41 Sandra Krähenmann, “The Obligations under International Law of the Foreign Fighter’s State of Nationality or Habitual Residence, State of Transit and State of Destination”, in A. De Guttry, F. Capone and C. Paulussen (eds) (примечание 3 выше), p. 250.

чается, что государства гражданства или проживания должны препятствовать выезду бойцов-иностранцев с их территории. Во-вторых, государствам предписывается разрабатывать и осуществлять стратегии привлечения к ответственности, реабилитации и реинтеграции возвращающихся бойцов-иностранцев, что не представляется возможным в том случае, если им не позволяют вернуться. Наконец, в резолюции подчеркивается важность международного сотрудничества, особенно с государствами, соседствующими с районами вооруженного конфликта, в целях борьбы с таким явлением, как «бойцы-иностранцы — террористы».

Репатриация бойцов-иностранцев и членов их семей

Наконец, государства-члены могут принимать активные меры по репатриации бойцов-иностранцев и членов их семей, чтобы обеспечить надлежащие процедуры уголовного преследования, реабилитации и реинтеграции этих людей по их возвращении. Это предполагает, что правительства ЕС будут в индивидуальном порядке оценивать участие каждого из таких возвращающихся лиц в боевых действиях и их возможную ответственность за совершенные преступления. Этот подход не только позволяет обеспечить безопасность в долгосрочной перспективе, но и решает проблему прав человека, связанную с положением самих бойцов-иностранцев и членов их семей, оказавшихся в переполненных и антисанитарных лагерях и центрах временного размещения в Сирии и Ираке⁴². Учитывая, что все государства-члены являются договаривающимися сторонами Конвенции ООН о правах ребенка (2000 г.) и что главным приоритетом всегда должны оставаться наилучшие интересы ребенка, большинством правительств ЕС, включая Францию, Бельгию и Германию, уже приняли на себя ответственность за обеспечение репатриации детей, которые были вывезены в регион их родителями или родились там, при условии предоставления официальной подтверждающей документации или результатов теста ДНК⁴³. Лора Кулс в то же время отмечает, что на практике последнее требование может сделать

42 См., например: Organization for Security and Co-operation in Europe, “Repatriation of ‘Foreign Terrorist Fighters’ and Their Families Urgently Needed to Safeguard Human Rights and Security, OSCE Human Rights Head Says”, 11 February 2020, доступно по адресу: www.osce.org/odihr/445909.

43 А. Dworkin (примечание 25 выше); А. Scherrer (ed.) (примечание 6 выше), р. 49. Одной из многочисленных причин необходимости репатриации детей являются ужасающие условия, в которых многие из них содержатся в сирийских лагерях. См., например: “UNICEF Urges Repatriation of All Children in Syria’s Al-Hol Camp Following Deadly Fire”, *UN News*, 28 February 2021, доступно по адресу: <https://news.un.org/en/story/2021/02/1085982>. Правительство Финляндии также взяло на себя обязательства по репатриации детей из лагерей на севере Сирии и даже репатриировало двух совершеннолетних матерей. Поскольку никакой четкой отсылки к требованиям о подтверждении гражданства в директивных принципах Финляндии по возвращению детей не имеется, непонятно, является ли такая мера обязательной на практике. См.: Finnish Government, “Government Outlined Guidelines for Repatriating Finnish Nationals from Al-Hawl Camp”, 16 December 2019, доступно по адресу: <https://tinyurl.com/38amtcea>; Aleksi Teivainen, “HS: Finland Repatriated Two Women and Six Children from Al-Hol Camp”, *Helsinki Times*, 21 December 2020, доступно по адресу: www.helsinkitimes.fi/finland/finland-news/domestic/18443-hsfinland-repatriated-two-women-and-six-children-from-al-hol-camp.html.

право на возвращение сугубо теоретическим⁴⁴. В качестве примера она приводит историю бельгийки, которая обратилась с просьбой помочь ей и двум ее детям, родившимся на территории Сирии, вернуться в Бельгию. И хотя на первый взгляд были все основания полагать, что дети имеют очевидное право на помощь консульства ввиду той тяжелой ситуации, в которой они оказались, апелляционный суд отменил это решение, постановив, что просьба является необоснованной, поскольку мать не располагала какими бы то ни было доказательствами ее родственной связи с детьми, которые не были зарегистрированы при рождении, и, следовательно, не могла обращаться с просьбой от их имени. Учитывая, что ее первый ребенок был рожден на территории, которая контролировалась ДАИШ, а второй — в центре временного содержания под контролем курдов, действительно было бы странно ожидать, что этим детям будут выданы официальные свидетельства о рождении. И хотя в 2017 году правительство Бельгии обязалось репатриировать детей в возрасте младше 10 лет⁴⁵, на практике попытки доказать гражданство таких детей, чтобы добиться их успешной репатриации, могут быть сопряжены с немалыми трудностями. Более того, дети, которые были рождены на территории Сирии и не получили официальной регистрации при рождении, теперь рискуют стать апатридами, поскольку в отсутствие четких доказательств их гражданство не может быть признано странами ЕС.

Несмотря на все эти сложности, в марте 2021 года премьер-министр Бельгии вновь подтвердил готовность Бельгии репатриировать несовершеннолетних лиц в возрасте младше 12 лет, заявив, что дети, которых там оставляют сегодня, рискуют стать террористами завтра⁴⁶. Этот подход является продолжением идеи, которую озвучил координатор ЕС по противодействию терроризму Жиль де Кершов, о том, что дети, оставшиеся на территории, контролируемой ДАИШ, являются бомбой замедленного действия⁴⁷. Это мнение разделяет и национальный координатор Нидерландов по безопасности и противодействию терроризму, утверждающий, что отказ от возвращения детей из Сирии представляет большую угрозу для национальной безопасности, чем их возвращение⁴⁸. Несмотря на то что все эти аргументы свидетельствуют об общем признании необходимости репатриировать детей, данная позиция не всегда означает, что тот же принцип распространяется и на их матерей. Так, например, Бельгия,

44 Laura Cools, "La reconnaissance d'un droit subjectif au rapatriement dans le chef des enfants belges retenus en Syrie: Un grand pas en avant", Centre Charles De Visscher pour le Droit International et Européen, 31 December 2020, доступно по адресу: <https://tinyurl.com/s3xjd2u>.

45 См., например: Johny Vansevenant and Rik Arnoudt, "Automatisch terugkeerrecht voor kinderen van IS-strijders die jonger dan 10 zijn", *VTR News*, 22 December 2017, доступно по адресу: <https://tinyurl.com/2hr6j6kz>.

46 Jean-Pierre Stroobants, "La Belgique va rapatrier les enfants de djihadistes détenus en Syrie", *Le Monde*, 5 March 2021, доступно по адресу: <https://tinyurl.com/f9rca9m8>.

47 Tom Kingston, "45,000 Children of Isis 'Are Ticking Time Bomb'", *The Times*, 8 May 2019, доступно по адресу: www.thetimes.co.uk/article/45-000-children-of-isis-are-ticking-time-bomb-lp0nq9q2m.

48 Supreme Court of the Netherlands, Case No. 05/19666, ECLI:NL:HR:2020:1148, 26 June 2020, para. 2.5.

взяв на себя обязательства репатриировать детей, заявила, что в отношении матерей в каждом отдельном случае будет проводиться адресная оценка, в ходе которой будут учитываться такие факты, как наличие у этих женщин судимости в Бельгии в прошлом или выдача международных ордеров на их задержание⁴⁹. В этой связи Кулс отмечает, что Апелляционный суд Брюсселя при рассмотрении дела 2018 года вынес решение о том, что разлучение детей и их матерей путем репатриации исключительно первых является нарушением Европейской конвенции по правам человека и Конвенции о правах ребенка⁵⁰. В 2019 году суд Германии принял схожее решение, согласно которому мать подлежала репатриации в Германию с тремя ее детьми ввиду отсутствия каких-либо доказательств того, что она представляет определенную угрозу для Германии, а также в связи с тем, что ее дети, которые с большой долей вероятности получили психологическую травму, будут нуждаться в уходе и поддержке со стороны матери после возвращения⁵¹. В то же время Кулс отмечает, что не следует преувеличивать значение подобных решений, поскольку в некоторых случаях, например если мать признается крайне радикально настроенной, такое разлучение может быть расценено как мера, соответствующая наилучшим интересам ребенка, и, следовательно, не считается нарушением⁵². Таким образом, для составления более четких рекомендаций государствам и судам необходимо дополнительно проработать свою позицию по этому вопросу.

Подводя итоги, можно отметить, что, несмотря на все трудности, репатриация бойцов-иностранцев и членов их семей может быть признана наиболее приемлемым решением, поскольку она позволяет учесть существующие опасения по поводу безопасности и при этом обеспечить соблюдение прав человека. По сути, в отсутствие политических условий для создания международного или гибридного трибунала, все остальные стратегические подходы означают перекладывание ответственности за решение проблемы бойцов-иностранцев государством происхождения на другие страны, где эти люди могут стать жертвами несправедливого судебного разбирательства или рискуют быть приговоренными к гражданской смерти собственной страной происхождения, в результате чего будут и в дальнейшем представлять угрозу для безопасности стран транзита. Но насколько эффективной может быть такая мера, как репатриация? Для того чтобы ответить на этот вопрос и проанализировать ситуацию не только через

49 J. P. Stroobants (примечание 46 выше).

50 В этой связи нормы МПП также предусматривают, что семейная жизнь и, как следствие, семейное единство требуют максимального уважения, и этот принцип также предполагает необходимость репатриации матерей вместе с их детьми. См.: *Хенкертс, Жан-Мари и Досвальд-Бек, Луиза. Обычное международное гуманитарное право. Том I: Нормы. МЖКК, 2006. Норма 105, доступно по адресу: <https://ihl-databases.icrc.org/customary-ihl/rus/docs/v1>.*

51 “Bundesregierung muss Mutter und Kinder aus Syrien zurückholen”, *Legal Tribune Online*, 8 November 2019, доступно по адресу: <https://tinyurl.com/55y8jjda>. Как уже отмечалось выше, Финляндия также репатриировала двух матерей вместе с детьми, заявив, что репатриация одних только детей недопустима (см. примечание 43 выше).

52 L. Cools (примечание 44 выше).

призму вышеперечисленных трудностей, в следующих подразделах будут рассмотрены примеры того, как государства-члены решают проблему бойцов-иностранцев и членов их семей после их возвращения. В свете вышеупомянутой рамочной стратегии ЕС по противодействию терроризму особое внимание будет уделено подходам, предусматривающим введение уголовной ответственности и превентивные меры.

Уголовное преследование бойцов-иностранцев и членов их семей на территории ЕС

Как уже отмечалось выше, одна из причин, по которым многие страны отказываются репатриировать бойцов-иностранцев, заключается в том, что их часто подозревают в совершении уголовных преступлений, которые в ряде случаев попадают под действие законов о борьбе с терроризмом и квалифицируются как террористические акты. Подобные подозрения не только заставляют государства считать бойцов угрозой для своей национальной безопасности, опасаясь совершения новых преступлений уже на собственной территории, но и возлагают непростые обязательства на государство происхождения, которое должно преследовать предполагаемые случаи преступной деятельности. Как МГП, так и международное уголовное право обязывают государства преследовать лиц, подозреваемых в совершении определенных видов преступлений, безотносительно места их совершения; к таким преступлениям относятся, в том числе, международные преступления геноцида⁵³, преступления против человечности и военные преступления⁵⁴, а также другие преступления, за совершение которых государства обязаны преследовать виновных на основании ратификации соответствующих международных договоров⁵⁵. Помимо этого, в соответствии с положениями резолюции ООН 2178 (2014) государства обязаны признавать противозаконным такое явление, как бойцы-иностранцы — террористы, а деятельность возвращенцев (будь то сами бойцы или члены их семей) может также подпадать под национальные законы о борьбе с терроризмом⁵⁶. На практике в своем стремлении минимизировать проблему бой-

53 Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, 9 декабря 1948 г. (вступила в силу 12 января 1951 г.), ст. III—V.

54 См.: Женевская конвенция (I) от 12 августа 1949 г. об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях (вступила в силу 21 октября 1950 г.), ст. 49, 50; Женевская конвенция (II) от 12 августа 1949 г. об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море (вступила в силу 21 октября 1950 г.), ст. 50, 51; Женевская конвенция (III) от 12 августа 1949 г. об обращении с военнопленными (вступила в силу 21 октября 1950 г.), ст. 129, 130; Женевская конвенция (IV) от 12 августа 1949 г. о защите гражданского населения во время войны (вступила в силу 21 октября 1950 г.), ст. 146, 147.

55 См., например: Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, 10 декабря 1984 г. (вступила в силу 26 июня 1987 г.), ст. 7.

56 Несмотря на то что и международные преступления (например, геноцид, военные преступления и преступления против человечности), и террористическая деятельность могут потребовать выполнения государством своих обязательств по уголовному преследованию преступников в соответствии с принципами универсальной юрисдикции и действительно могут

цов-иностранцев государства ЕС действительно сосредоточили все усилия на таких репрессивных мерах, как преследование и наказание, поскольку уголовное преследование представляется самым быстрым решением этой проблемы и ответом на угрозу, которая предположительно исходит от бойцов. Однако, поскольку инкриминируемые им преступления с высокой долей вероятности были совершены за границей, ведение уголовного преследования на национальном уровне может быть сопряжено для государств назначения — при всей их готовности выполнить свои обязательства — со множеством сложностей. Так, например, расследование таких преступлений и сбор доказательств в отношении фактов, которые имели место далеко за пределами данной страны и вне юрисдикции ее следственных органов, может потребовать значительных затрат. В этой связи отмечается, что при уголовном преследовании европейских бойцов-иностранцев, принимавших участие в вооруженных конфликтах в Ираке и Сирии,

возникают проблемы со сбором доказательств вины бойцов-иностранцев: добыть улики с полей сражений Сирии и Ирака технически затруднительно, сбор и использование данных, полученных из источников в интернете, также вызывают определенные сложности, для получения доступа к доказательствам нередко требуется трансграничное сотрудничество на уровне правовых систем (бойцы-иностранцы следуют транзитом через другие государства, интернет-провайдеры могут находиться за рубежом), часть информации может поступать от служб безопасности, а это может означать трудности при попытке использовать такие разведывательные данные в ходе судебного разбирательства⁵⁷.

Все это может объяснить, почему в отношении бойцов-иностранцев проводится так мало судебных разбирательств. Так, например, по данным на 2014 год, «из трех тысяч граждан/жителей ЕС, имевших отношение к такому явлению, как бойцы-иностранцы, было осуждено менее 10 человек»⁵⁸. Если верить Меморандуму Евроюста за 2020 год о вещественных доказательствах из районов боевых действий, то все эти проблемы в ЕС

относиться к одной и той же ситуации (например, ситуации вооруженного конфликта с участием террористических групп), они все равно представляют собой два разных состава преступления. В этой связи Европейская сеть координаторов по расследованию и преследованию фактов геноцида, преступлений против человечности и военных преступлений (Сеть по проблеме геноцида) «еще раз отметила разницу между сводом законов по борьбе с терроризмом и законодательными нормами в отношении основных видов международных преступлений, а именно преступлений геноцида, преступлений против человечности и военных преступлений. Поскольку оба корпуса норм могут быть применены в отношении одного и того же дела в рамках соответствующего национального законодательства, важно отметить, что основные виды международных преступлений по своей природе отличаются от преступлений, связанных с терроризмом». См.: Genocide Network, Austrian Presidency of the Council of the European Union, and Eurojust, *Conclusions of the 25th Meeting of the European Network of Contact Points for Investigation and Prosecution of Genocide, Crimes against Humanity and War Crimes*, 14–15 November 2018, para. 3.

57 EU Counterterrorism Coordinator, *Foreign Fighters and Returnees: Discussion Paper*, EU Doc. 15715/14, Council of the European Union, Brussels, 24 November 2014, p. 3.

58 *Ibid.*, p. 1.

могут быть постепенно решены. Отличие этого документа от меморандума 2018 года заключается в том, что в нем Евроюст отмечает следующее:

Если в Меморандуме Евроюста за 2018 год о вещественных доказательствах из районов боевых действий говорилось о недостаточном опыте использования таких доказательств, то отчет за 2020 год свидетельствует о том, что за последние несколько лет ряд стран уже применяли подобные доказательства в своих уголовных разбирательствах в отношении бойцов-иностранцев — террористов и других лиц, подозреваемых в совершении уголовных преступлений во время вооруженных конфликтов⁵⁹.

В случаях отсутствия доказательств трудности, связанные с их получением при уголовном преследовании бойцов-иностранцев, приводили к тому, что до недавнего времени в ходе судебных разбирательств

прокуроры предпочитали предъявлять обвинения, касающиеся, например, факта членства в террористической организации, поскольку для них требовалась гораздо менее обширная доказательственная база. В этом случае прокурору не надо было доказывать конкретные факты противозаконной деятельности, например совершение военных преступлений, — достаточно было «лишь» доказать, что данные лица состояли в террористической организации⁶⁰.

На практике это означает, что все бойцы-иностранцы, осужденные за совершение таких преступлений (как сами боевики-мужчины, так и члены их семей), получают одинаковое наказание, независимо от того, каким был их статус в этих группах — они могли как выполнять вспомогательные функции, не имеющие отношения к боевым действиям (например, приготовление еды), так и совершать или готовить реальные военные преступления и иные чудовищные деяния⁶¹. Это противоречит идее о том, что наказание должно быть соразмерно совершенному преступлению, а также, возможно, чрезмерно упрощает подход к оценке зарубежного опыта возвращенцев, когда они рассматриваются в качестве некоей единой группы, хотя в действительности персональные истории каждого из них могут существенно различаться.

Помимо этого, как уже отмечалось в других статьях настоящего выпуска, статус бойцов-иностранцев и членов их семей можно рассматривать под разным углом — как боевиков и мирных граждан в ситуации вооруженного конфликта, на которых распространяются нормы МГП, или же как бойцов-иностранцев — террористов, подпадающих под действие законов

59 Eurojust, *Eurojust Memorandum on Battlefield Evidence*, The Hague, September 2020, p. 2.

60 Hanne Cuyckens and Christophe Paulussen, *The Prosecution of Foreign Fighters in Western Europe: The Difficult Relationship between Counter-Terrorism and International Humanitarian Law*, Asser Research Paper Series 2019-04, TMC Asser Institute for International & European Law, 2019, p. 1, доступно по адресу: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3471908.

61 Ibid., pp. 1–2.

о борьбе с терроризмом. Применение корпуса права, регламентирующего проведение разбирательств в отношении возвращенцев, может иметь для них разные последствия. Так, упор на борьбу с террористической деятельностью нередко приводит к тому, что нормы МГП отходят на задний план, и в результате людей карают за деяния, которые могут считаться законными в рамках МГП, но имеют состав преступления согласно законам о борьбе с терроризмом⁶². Причина заключается в том, что

самым важным различием [между деяниями, которые регулируются МГП, и терроризмом] является то, что с правовой точки зрения вооруженный конфликт — это ситуация, при которой одни акты насилия считаются законными, а другие — незаконными, в то время как любые насильственные действия, определяемые как «террористические», всегда незаконны⁶³.

В этой ситуации назначение наказания за деяния, которые являются законными в рамках МГП, может «создать негативный прецедент, свидетельствующий о том, что любые действия, совершенные НВГ [негосударственными вооруженными группами], являются террористическими по своей природе, и в результате будет еще более затруднительно добиться соблюдения такими группами или другими видами НВГ норм МГП»⁶⁴.

Уголовное преследование детей-возвращенцев

Число вышеперечисленных трудностей, возникающих в связи с уголовным преследованием бойцов-иностранцев, лишь увеличивается в ситуации, когда они являются несовершеннолетними⁶⁵. Судьба детей, возвращающихся из зон конфликтов, в последнее время получила широкое освещение в СМИ, поскольку после объявления о победе над халифатом ИГ «все чаще в центре внимания оказываются сложные проблемы, касающиеся экстрадиции взятых в плен боевиков, а также женщин и детей, и судебных разбирательств в отношении этих лиц»⁶⁶. Комитет ООН по правам ребенка заявил, что, по имеющимся у него достоверным сведениям, сирийские государственные вооруженные силы и аффилированные ополчения

62 Hanne Cuyckens and Christophe Paulussen, *The Prosecution of Foreign Fighters in Western Europe: The Difficult Relationship between Counter-Terrorism and International Humanitarian Law*, Asser Research Paper Series 2019-04, TMC Asser Institute for International & European Law, 2019, p. 2.

63 *Международный Комитет Красного Креста*. Международное гуманитарное право и вызовы современных вооруженных конфликтов, Женева, октябрь 2015 г., с. 29, доступно по адресу: www.icrc.org/ru/download/file/20891/mezhdunarodnoe_gumanitarnoe_pravo_i_vyzovy_sovremennykh_konfliktov.pdf.

64 H. Cuyckens and C. Paulussen (примечание 60 выше), p. 21.

65 Об ответственности детей, вовлеченных в конфликт, см.: Júlia Zomignani Barboza, “Accountability for Child Soldiers Aged From 15 to 18”, in Fernando Bandeira, João Casqueira Cardoso, Glória Jölluskin, Cláudia Ramos and Isabel Silva (eds), *Readings in Humanitarian Action and Cooperation for Development, Vol. 1, Publicações Fundação Fernando Pessoa*, Porto, 2020. Ряд идей, вошедших в настоящий раздел, взяты из этой работы.

66 Bethen McKernan, “Isis Defeated, US-Backed Syrian Democratic Forces Announce”, *The Guardian*, 23 March 2019.

осуществляли вербовку детей и использовали их в боевых действиях⁶⁷. В этой связи следует отметить, что, помимо вербовки детей на местах, у ИГ «получалось вербовать и иностранных граждан, включая молодых мужчин, женщин и детей из стран Запада и США»⁶⁸. В частности, согласно результатам исследования, в ряды ИГ вступило более 40 тысяч бойцов-иностранцев, из которых 12% составляли дети⁶⁹. В связи с этим «крайне важно понять, должны ли эти дети нести ответственность за преступления, которые они могли совершить, и если да, то какие существуют варианты привлечения их к надлежащей ответственности»⁷⁰.

В целом в рамках существующей сегодня тенденции детей, как правило, не подвергают уголовному преследованию, особенно если речь идет о международных инстанциях, так как международные субъекты уделяют особое внимание проблеме уязвимости и виктимизации детей-солдат⁷¹. Так, например, в документе «Принципы и установки в отношении детей, связанных с вооруженными силами или вооруженными группами» говорится, что «дети, которых в рамках международного права обвиняют в преступлениях, предположительно совершенных ими в то время, когда они были связаны с вооруженными силами или вооруженными группами, должны в первую очередь рассматриваться как жертвы деяний, нарушающих нормы международного права, а не только как правонарушители»⁷². Помимо этого, «национальные и международные институты и агентства, а также правительственные и неправительственные организации, в первую очередь занятые гуманитарной работой, прилагают активные усилия для распространения идеи о том, что дети-солдаты являются пассивными жертвами»⁷³. Более того, поскольку участие в деятельности вооруженной группы с высокой долей вероятности является травмирующим опытом, существует мнение, что дети-солдаты должны сохранять свой статус жертвы даже после достижения совершеннолетнего возраста⁷⁴.

Однако тот факт, что, как уже отмечалось выше, бойцов-иностранцев, как правило, предпочитают судить по нормам антитеррористического законодательства, означает, что «с активизацией таких воинствующих экстремистских групп, как [ИГ], «Аль-Каида» (*организация запрещена в России. — Прим. пер.*), «Аш-Шабааб» и «Боко харам» многие страны начали принимать значительно более жесткие меры по борьбе с террориз-

67 *Комитет по правам ребенка*. Заключительные замечания по пятому периодическому докладу Сирийской Арабской Республики, док. ООН CRC/C/SYR/CO/5, 6 марта 2019 г.

68 Conrad Nyamutata, “Young Terrorists or Child Soldiers? ISIS Children, International Law and Victimhood”, *Journal of Conflict and Security Law*, Vol. 25, No. 2, 2020, p. 241.

69 *Ibid.*, p. 242.

70 J. Zomignani Barboza (примечание 65 выше), p. 123.

71 Mark A. Drumbl, *Reimagining Child Soldiers in International Law and Policy*, Oxford University Press, Oxford, 2012.

72 UNICEF, *Paris Principles and Guidelines on Children Associated with Armed Forces or Armed Groups*, February 2007, Principle 3.6.

73 Leonie Steinl, *Child Soldiers as Agents of War and Peace: A Restorative Transitional Justice Approach to Accountability for Crimes Under International Law*, Springer, Berlin, 2017, p. 12.

74 C. Nyamutata (примечание 68 выше), pp. 252–257.

мом, и, в частности, наметился резкий рост случаев задержания и уголовного преследования детей»⁷⁵. Действительно, как отмечалось выше, ввиду того что государства-члены иногда включают детей в число источников угрозы, которую предположительно представляют собой возвращенцы, несовершеннолетние могут быть отнесены к категории «бойцов-иностранцев — террористов» начиная с очень юного возраста⁷⁶. Это очень тревожная тенденция, поскольку она означает, что детям могут быть предъявлены обвинения, основанные на положениях антитеррористического законодательства. Как уже отмечалось выше, уголовное преследование в связи с совершением таких преступлений нередко расценивается как нарушение прав человека на справедливое судебное разбирательство и соблюдение надлежащей правовой процедуры⁷⁷. К тому же судебные процедуры при рассмотрении дел, связанных с терроризмом, редко учитывают интересы детей, о чем наглядно свидетельствует дело Омара Хадра, ребенка-солдата, который был взят в плен в Афганистане силами США в возрасте 15 лет и в 2010 году, после длительного разбирательства в военном суде США, был осужден за преступления, совершенные им в 2002 году⁷⁸. Когда речь заходит об уголовном преследовании детей, следует принимать во внимание тот факт, что

Конвенция о правах ребенка предписывает государствам установить минимальный возраст, ниже которого дети считаются неспособными нарушить уголовное законодательство (Конвенция о правах ребенка, статья 40(3)), но не указывает этот возраст. Комитет по правам ребенка заявил, что устанавливать минимальный возраст ниже 12 лет неприемлемо с точки зрения международной практики... но не ввел никаких дополнительных ограничений относительно установления такого минимального возраста⁷⁹.

Это ограничивает возможности для уголовного преследования совсем маленьких детей (например, детей, которых в Нидерландах квалифицируют как бойцов-иностранцев — террористов в возрасте девяти лет⁸⁰), однако все равно допускает уголовное судопроизводство в отношении детей в возрасте 12 лет и старше. В этой связи следует упомянуть, что когда речь заходит об уязвимых лицах, то применительно к тем, чьи «уголовные преступления носят относительно умеренный характер, или к тем, кто относится к категории особо уязвимых лиц (в качестве примера можно привести ситуации

75 Jo Becker, “Some Child Soldiers Get Rehabilitation, Others Get Prison”, Human Rights Watch, 4 March 2019.

76 European Parliament (примечание 6 выше).

77 См. также: Sabine von Schorlemer, “Human Rights: Substantive and Institutional Implications of the War Against Terrorism”, *European Journal of International Law*, Vol. 14, No. 2, 2003.

78 Bo Viktor Nylund, *Child Soldiers and Transitional Justice: Protecting the Rights of Children Involved in Armed Conflict*, Intersentia, Cambridge and Portland, OR, 2016.

79 J. Zomignani Barboza (примечание 65 выше), p. 123.

80 A. Scherrer (ed.) (примечание 6 выше).

прославления терроризма, предварительную подготовительную деятельность незаконного характера или дела, по которым обвиняются дети, психически больные или другие уязвимые совершеннолетние лица)»⁸¹,

возможно, в отдельных случаях наиболее предпочтительным решением является полный отказ от проведения уголовного процесса и направление данного лица для участия в программах по дерадикализации или принятие других, более «мягких» превентивных мер. Или, если проведение судебного разбирательства неизбежно, прокурор может рекомендовать более «мягкую» форму наказания в целях реабилитации правонарушителей⁸².

Некоторые выводы по проблеме уголовного преследования

На практике уголовное преследование бойцов-иностранцев может быть сопряжено с огромными сложностями, которые связаны как с проблемами при сборе доказательств, так и с высокой стоимостью и ресурсоемкостью этого процесса, что в некоторых случаях делает эту задачу совершенно невыполнимой для государств возвращения. Более того, в ситуации, когда лицо, подозреваемое в преступной деятельности, является несовершеннолетним, использование положений антитеррористического законодательства в уголовном судопроизводстве в отношении этого лица редко отвечает наилучшим интересам ребенка. Судебный процесс в некоторых случаях также считается не лучшим решением, когда обвиняемый относится к категории уязвимых лиц. В заключение следует отметить, что, хотя уголовное преследование возвращенцев может выглядеть как самый быстрый путь для устранения опасений ЕС по поводу внутренней безопасности, при его практической реализации возникает целый ряд проблем, связанных с возможным конфликтом между нормами МГП и законами о борьбе с терроризмом, соразмерностью наказания, сложным процессом представления доказательств и необходимостью соблюсти наилучшие интересы ребенка. Наконец, необходимо принимать во внимание и краткосрочную эффективность такой меры, как уголовное преследование: иными словами, действительно ли отбывание наказания помогает предотвратить возвращение радикально настроенных лиц в ряды террористов и если да, то до какой степени? Исходя из всего вышесказанного, реинтеграция бывших бойцов-иностранцев представляется наиболее предпочтительным решением данной проблемы.

По этим причинам государствам, которые вынуждены иметь дело с возвращающимися бойцами-иностранцами, могут потребоваться другие средства решения этой проблемы, помимо уголовного преследования, чтобы устранить исходящую от этих людей потенциальную угрозу. Такие

81 Christophe Paulussen and Kate Pitcher, *Prosecuting (Potential) Foreign Fighters: Legislative and Practical Challenges*, ICCT Research Paper, The Hague, 30 January 2018, pp. 23–24.

82 Ibid.

средства являются частью стратегий по реинтеграции, которые должны использоваться странами в отношении возвращающихся бойцов-иностранцев. В следующих подразделах некоторые из этих вариантов будут рассмотрены более подробно.

Реинтеграция

Как уже говорилось в предыдущем разделе, преследование бойцов-иностранцев может быть сопряжено с трудностями и не всегда является оправданной мерой. Более того, одного лишь уголовного преследования недостаточно для борьбы с таким явлением, как бойцы-иностранцы, поскольку реинтеграция также является ключевым элементом стратегии по решению проблемы возвращенцев в долгосрочной перспективе. Ввиду того что бойцы-иностранцы, вступившие в ряды террористических групп в Сирии и Ираке, зачастую радикально настроены (или как минимум знакомы с основными тезисами экстремистских идеологий) в результате воздействия учений и воззрений, которым они следовали в качестве членов этих групп, краеугольным камнем политики государств — членов ЕС по минимизации угрозы, исходящей от возвращенцев, должны быть мероприятия по возвращению к мирной жизни и правосудие переходного периода. То же касается и членов их семей и особенно детей, жизнь которых контролировалась террористическими группами и которые теперь нуждаются в специализированной поддержке.

Мероприятия по возвращению к мирной жизни

В ситуациях, когда возвращенцы не подвергаются уголовному преследованию (как из-за того, что судебное разбирательство не было начато, так и ввиду неоправданности такой меры) или же когда бойцы-иностранцы уже отбыли свой срок тюремного заключения, они снова становятся членами общества. В обоих случаях наилучшим способом обеспечить общественную безопасность в долгосрочной перспективе являются реинтеграция возвращенцев и укрепление социального благополучия. Если бойцы-иностранцы являются и чувствуют себя частью этого общества, то вероятность их возвращения в ряды террористов действительно снижается⁸³. Для реинтеграции возвращенцев могут использоваться различные мероприятия по возвращению к мирной жизни, а именно процессы дерадикализации и освобождения от радикальных идей и склонности к насилию. Поскольку характеристики и особенности возвращенцев могут очень различаться в зависимости от таких параметров, как пол, возраст, происхождение, опыт участия в боевых действиях и мотивация, любые мероприятия по возвращению к мирной жизни должны разрабатываться исходя из специфики

83 Marije Meines, Merel Molenkamp, Omar Ramadan and Magnus Ranstorp, *Responses to Returnees: Foreign Terrorist Fighters and Their Families*, RAN Manual, 2017, p. 53, доступно по адресу: https://ec.europa.eu/home-affairs/sites/homeaffairs/files/ran_br_a4_m10_en.pdf.

ситуации каждого конкретного человека и с учетом как краткосрочных (например, возможное совершение данным лицом терактов в стране происхождения), так и долгосрочных рисков (включая психологические травмы и другие нарушения психического здоровья, обусловленные опытом участия в вооруженных конфликтах)⁸⁴.

Сегодня уже в целом ряде государств-членов проводятся программы мероприятий по возвращению к мирной жизни, разработанные как для возвращенцев, так и для приверженцев воинствующего экстремизма в целом: в качестве примеров можно привести датскую программу Aarhus («Орхус»)⁸⁵ и немецкий проект “Live Democracy!” («Да здравствует демократия!»)⁸⁶. Несмотря на определенную национальную специфику и критику со стороны международного сообщества⁸⁷, вышеупомянутая информационная сеть по вопросам радикализации RAN сформулировала ряд основополагающих принципов, которые могут быть полезны для понимания важности мероприятий по возвращению к мирной жизни в качестве элементов политики государств-членов по регулированию статуса возвращенцев. Так, например, всегда следует руководствоваться междисциплинарным и межучрежденческим подходом, который предполагает участие в работе представителей как правоохранительных органов, так и организаций гражданского общества и государственного сектора, занятых вторичной превенцией (таких как учреждения здравоохранения, молодежные организации и службы пробации)⁸⁸. Конечная цель этой коллективной работы заключается не только в том, чтобы обеспечить передачу дел потенциальных возвращенцев в надлежащие инстанции, поскольку в число поставленных задач входят воспитательно-исправительное воздействие и предоставление практических вариантов трудоустройства, но и в том, чтобы содействовать социальной сплоченности и повышению осведомленности внутри общества в целом. Поскольку о зверствах, которые члены ДАИШ и других террористических групп совершали в зонах конфликтов, широко известно, существует высокая вероятность того, что бойцы-иностранцы и члены их семей подвергнутся стигматизации и социальной изоляции со стороны местного сообщества, частью которого им снова предстоит стать; в этой связи восстановление социальных связей и доброжелательных отношений с другими членами семьи может стать важным шагом по направлению к реинтеграции.

84 Marije Meines, Merel Molenkamp, Omar Ramadan and Magnus Ranstorp, *Responses to Returnees: Foreign Terrorist Fighters and Their Families*, RAN Manual, 2017, p. 54.

85 Для получения дополнительной информации см.: Preben Bertelsen, “Danish Preventive Measures and De-Radicalisation Strategies: The Aarhus Model”, *Panorama: Insights into Asian and European Affairs*, Vol. 1, No. 1, 2015.

86 Для получения дополнительной информации см.: www.demokratie-leben.de.

87 В частности, эффективность программ по возвращению к мирной жизни считается преимущественно недоказанной. Antonia Ward, “To Ensure Radicalisation Programmes Are Effective, Better Evaluation Practices Must First Be Implemented”, *The Rand Blog*, 2019, доступно по адресу: <https://www.rand.org/blog/2019/03/to-ensure-deradicalisation-programmes-are-effective.html>.

88 RAN Exit, “Exit Work in a Multi-Agency Setting”, Ex Post Paper, 2016, доступно по адресу: <https://tinyurl.com/vekywy6j>.

При оценке эффективности программ мероприятий по возвращению к мирной жизни⁸⁹ следует отметить, что их основными принципами обычно являются гарантии конфиденциальности и доверительные отношения с практикующими специалистами, а также проведение мероприятий в безопасной обстановке, где нет риска, что участников увидят или подслушают посторонние, поскольку это создало бы угрозу последующей стигматизации со стороны местного сообщества. Поскольку мероприятия по возвращению к мирной жизни представляют собой терапевтические (индивидуальные) или социодинамические (групповые) занятия, то в них основной упор делается обычно на личный опыт участников (например, особенности биографии, семейная история, гендерная принадлежность, взаимоотношения с коллегами и соратниками, борьба за влияние, вербовка, вовлечение) без каких бы то ни было споров или дискуссий идеологического характера.

И наконец, следует отметить, что реинтеграция при помощи программ выхода должна рассматриваться в качестве оптимальной стратегии для детей-возвращенцев ввиду их уязвимости. Дети-возвращенцы, как правило, являются жертвами насилия и жесткого обращения, которые привели к нарушению и искажению их полноценного социального, морального, эмоционального и когнитивного развития, а их возвращение в ЕС может стать фактором дальнейшей травматизации, особенно в ситуациях, когда государства-члены ограничивают процедуры по репатриации для несовершеннолетних. В результате мероприятия по возвращению к мирной жизни, адресованные несовершеннолетним, должны не только предусматривать возможность детального анализа самой сути личности ребенка, но и ставить во главу угла его личные, семейные и социальные потребности наряду с нормализацией повседневной жизни⁹⁰.

В заключение следует отметить, что выбор в пользу долгосрочного подхода, который призван ослабить тягу возвращенцев к идеям и практикам, лежащим в основе террористической деятельности, означает признание возвращенцев в качестве заинтересованных в реинтеграции законных и равноправных членов общества и разрушение разделяющей граждан стены недоверия и враждебности в рамках мероприятий по возвращению к мирной жизни.

Правосудие переходного периода

Ряд механизмов правосудия переходного периода, несмотря на сохраняющееся отсутствие интереса к ним со стороны государств — членов ЕС, может также помочь национальным правительствам обеспечить реинтеграцию бойцов-иностранцев и членов их семей в общество. Понятие

89 Для получения дополнительной информации см.: RAN Exit, “Outline: Deradicalisation Interventions for Violent Extremism”, ExPost Paper, 2016, доступно по адресу: <https://tinyurl.com/fu48h7dj>.

90 M. Meines et al. (примечание 83 выше), pp. 70–71.

«правосудие переходного периода» «охватывает весь комплекс процессов и механизмов, связанных с попытками общества преодолеть тяжкое наследие крупномасштабных нарушений законности в прошлом с целью обеспечить подотчетность, справедливость и примирение»⁹¹. Несмотря на то что эти механизмы чаще успешно используются в постконфликтных странах, где с их помощью пострадавшее население и лица, совершившие преступления, могут взаимодействовать для установления фактов случившегося, привлечения к ответственности, прощения виновных и определения дальнейших совместных мер, в распоряжении системы переходного правосудия имеются инструменты, которые могут помочь государствам возвращения в вопросах примирения с бойцами-иностранцами и членами их семей и способствовать их реинтеграции.

Так, например, существует мнение, что в отношении детей-солдат следует прибегать не к уголовному преследованию, которое, как уже было продемонстрировано выше, редко отвечает наилучшим интересам ребенка, а использовать такие инструменты правосудия переходного периода по привлечению к ответственности, как комиссии по установлению истины, которые в большей степени нацелены на реабилитацию и могут способствовать реинтеграции бывших детей-солдат⁹². В рамках таких комиссий детям-солдатам может быть предоставлена возможность рассказать о пережитом опыте и попросить прощения⁹³, взяв на себя ответственность за содеянное, и тем самым сделать первый шаг по направлению к тому, чтобы стать полноценными членами общества⁹⁴. Подобные инструменты могут быть полезны и для взрослых бойцов и других членов их семей во время процесса их реинтеграции.

Важным преимуществом механизмов правосудия переходного периода, таких как комиссии по установлению истины и примирению и национальные механизмы (например, обрядовые и традиционные церемонии и ритуалы), является возможность взаимодействия между преступниками и жертвами, где последние могут провести очную ставку с теми, кто причинил им зло, а первые — покаяться в содеянном, однако обеспечить это преимущество в условиях, когда такие механизмы используются вдали от пострадавшего населения и на территории страны, гражданином которой является боец-иностранец, достаточно непросто. Тем не менее существует ряд мер, при помощи которых возможно добиться необходимого резуль-

91 *Совет Безопасности ООН*. Господство права и правосудие переходного периода в конфликтных и постконфликтных обществах: доклад Генерального секретаря, док. ООН S/2004/616, 23 августа 2004 г., п. 8.

92 Cecile Aptel, "International Criminal Justice and Child Protection", in Sharanjeet Parmar, Mindy Jane Roseman, Saudamini Siegrist and Theo Sowa (eds), *Children and Transitional Justice: Truth-Telling, Accountability and Reconciliation*, Harvard University Press, Cambridge, MA, 2010, p. 352.

93 Pacifique Manirakiza, "Les enfants face au système international de justice: À la recherche d'un modèle de justice pénale internationale pour les délinquants mineurs", *Queen's Law Journal*, Vol. 34, No. 2, 2009.

94 Ilse Derluyn, Wouter Vandenhoele, Stephan Parmentier and Cindy Mels, "Victims and/or Perpetrators? Towards an Interdisciplinary Dialogue on Child Soldiers", *BMC International Health and Human Rights*, Vol. 15, No. 1, 2015.

тата. Так, например, заседания таких комиссий, церемонии и обряды могут проводиться при участии беженцев-добровольцев, прибывших из указанных зон конфликта и заинтересованных в том, чтобы понять мотивы бойцов-иностранцев и поделиться собственным опытом пережитого во время конфликта, тем самым найдя успокоение; кроме того, в заседаниях могут участвовать члены местных сообществ, которые боятся терактов и стремятся найти пути для мирного и безопасного сосуществования с бойцами-иностранцами; в некоторых случаях к участию имеет смысл привлекать представителей определенной этнической группы или религии, которая так или иначе ассоциируется — возможно, безосновательно — с конфликтом или указанной террористической группой, чтобы они могли заявить о своем недовольстве по поводу подобных ассоциаций. Поскольку такие представители пострадавшего населения, как правило, не имеют непосредственного отношения к возможным преступлениям бойцов-иностранцев, их участие в уголовном судопроизводстве является маловероятным. Механизмы правосудия переходного периода же дают им возможность быть услышанными как бойцами, так и другими членами их сообщества. В результате у местных жителей и бойцов-иностранцев появляется шанс лучше понять друг друга и выработать способы мирного сосуществования после реинтеграции последних.

В постконфликтных ситуациях механизмы правосудия переходного периода могут способствовать дальнейшей реинтеграции за счет поощрения участия бойцов в восстановительных работах⁹⁵. Несмотря на то что о восстановлении как таковом на территории стран возвращения говорить не приходится, бывшие боевики и члены их семей могут участвовать в общественных инициативах, например по восстановлению районов, пострадавших от терактов, или принимать добровольное участие в мероприятиях по возвращению к мирной жизни в целях предотвращения радикализации других членов общества (в тех случаях, когда и если подобные меры получают одобрение специалистов, занятых в этих программах). Что касается детей, то участие в восстановительных работах и в занятиях по воспитанию гражданского духа и нравственности при центрах социальной реабилитации может стать для них альтернативой уголовному наказанию за совершенные преступления⁹⁶ и помочь им подготовиться к жизни в стране, в которую они возвращаются (или даже приезжают впервые, если речь идет о детях, родившихся в странах конфликта). И хотя вероятность того, что подобные учебные мероприятия могли бы заменить уголовное наказание для взрослых возвращенцев, крайне мала, такое обучение можно было бы провести во время или после завершения срока их тюремного заключения, в том числе в сочетании с вышеупомянутыми механизмами правосудия переходного периода в целях повышения шансов на успешную реинтеграцию.

95 М. А. Drumbl (примечание 71 выше).

96 Р. Manirakiza (примечание 93 выше).

Заключение

В настоящей статье мы рассмотрели такое явление, как бойцы-иностранцы, через призму недавних событий на Ближнем Востоке, в первую очередь в Сирии и Ираке. В частности, мы проанализировали подходы государств — членов ЕС к определению статуса таких бойцов и членов их семей и последующему обращению с ними, особенно после их возвращения. Поскольку действия бойцов-иностранцев и членов их семей нередко приравниваются к террористической деятельности, их часто считают угрозой для страны происхождения, в связи с чем некоторые государства принимают меры к тому, чтобы воспрепятствовать их возвращению. В то же время с учетом потенциального ущерба, который может быть нанесен в результате уголовного преследования людей в зонах конфликтов или лишения их национальности, а также в свете трудностей, которые возникают при попытках проведения судебных разбирательств на международном уровне, оптимальным решением проблемы бойцов-иностранцев и членов их семей представляется репатриация. Иногда государство происхождения может быть обязано инициировать уголовное преследование вернувшихся бойцов, но на практике возникает целый ряд сложностей, и в некоторых случаях такое преследование не является оправданной мерой. Таким образом, полноценная стратегия борьбы с проблемой бойцов-иностранцев должна предусматривать не только репатриацию и уголовное преследование, но также, причем в приоритетном порядке, меры по реинтеграции как бойцов-иностранцев, так и членов их семей. В этой связи мероприятия по возвращению к мирной жизни и механизмы правосудия переходного периода могут и должны играть ключевую роль в достижении этой цели и укреплении ценностей демократии и плюрализма, на которых зиждется ЕС.